

ЛИТОВСКИЕ СПЕЦИАЛЬНЫЕ ВѢДОМОСТИ

Годъ восемнадцатый.

Выходятъ
по
Воскресеньямъ.

2-го Марта 1880 года.

Подписная цѣна съ пересылкою за годъ 5 руб.
Отдѣльные NN Литов. Еп. Вѣд. за прошедшіе
годы и за настоящій 1880 г. по 10 коп. (марками).
Подписка принимается въ г. Вильнѣ, въ Редак-
ціи Литовскихъ Специальныхъ Вѣдомостей.

№ 9.

При печатаніи объявленій, за каждую строку
или мѣсто строки взимается:

за одинъ разъ 10 коп.
за два раза 15 „
за три раза 20 „

Правительственныя Распоряженія.

УКАЗЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ.

Признавъ за благо въ день исполнившагося нынѣ двадцатипятилѣтія Царствованія Нашего предоставить Нашимъ вѣрноподданнымъ облегченія въ уплатѣ недоимокъ, пеней и начетовъ, повелѣваемъ:

I. Сложить и изъ счетовъ исключить:

1. Половину недоимокъ, какія по день сего указа будутъ числиться: а) въ подушной подати и въ присоединенныхъ къ ней бывшемъ государственномъ, земскомъ, душевомъ и общественныхъ сборахъ, а по Сибири — и въ шестикопѣечномъ сборѣ; въ кибиточномъ сборѣ и въ подъемной подати въ Кубанской и Терской областяхъ; б) во взимаемыхъ, вмѣсто подушной подати, бири, дажди и въ 63-хъ-копѣечной оброчной подати по Бессарабской губерніи и в) въ окладномъ сборѣ съ мѣщанъ.

2) Пеню, которая къ тому же времени накопится по взимаемымъ въ суммы Государственнаго Казначейства налогамъ: государственному, поземельному и съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ, какъ основному, такъ и дополнительному на квартирную повинность, а также по начисляемымъ въ западныхъ губерніяхъ сборамъ процентному съ недвижимыхъ имуществъ лицъ польскаго происхождения и поземельному на содержаніе духовенства.

Штрафы и пени, которые ко дню сего указа будутъ числиться за прописку по ревизіи душъ и за неподачу въ срокъ ревизскихъ сказокъ.

4) Экзекуціонные штрафы, пени и проценты, какіе по сей день причитаться будутъ по губерніямъ Царства Польскаго за несвоевременный взносъ налоговъ и податей, а также и всякихъ другихъ, поступающихъ въ государственный доходъ, платежей.

5) Пеню, начисленную на бывшихъ арендаторовъ казенныхъ имѣній и оброчныхъ статей, но еще не взысканную по тѣмъ контрактамъ, срокъ дѣйствія которыхъ прекратился за десять лѣтъ до воспослѣдованія сего указа.

6) Всѣ слѣдующія въ доходъ казны недоимки по сборамъ, отмѣненнымъ до 1-го января 1875 года.

II. Тѣ недоимки въ окладныхъ всякаго рода сборахъ, слѣдовавшихъ въ доходъ казны, за время по 1-е января 1879 года, которыя по какимъ либо причинамъ по день

сего указа не зачислены по счетамъ казначействъ — оставить безъ преслѣдованія.

III. Изъ числа неокладныхъ недоимокъ по взысканіямъ, образовавшихся до 1-го января 1879 года, сложить тѣ, который въ отдѣльности не превышаютъ пятидесяти рублей. По недоимкамъ же на большую сумму исключить по пятидесяти рублей изъ каждой статьи.

IV. Незвзысканные еще казенные по службѣ начеты, ущербы и утраты, причиненные такими дѣйствіями или упущеніями, которыя послѣдовали до настоящаго дня и не превышаютъ ста пятидесяти рублей — прощаются и слагаются на нижеслѣдующихъ основаніяхъ:

1) Тѣ ущербы и утраты, по которымъ дѣла ко дню изданія настоящаго указа еще окончательно не рассмотрѣны или и не начаты, — оставляются безъ преслѣдованія и переписки, когда сумма опыхъ составляетъ не болѣе ста пятидесяти рублей по каждой отдѣльной отчетности за годовой періодъ времени.

2) Изъ начетовъ, ущербовъ и утратъ, кои ранѣе изданія сего указа уже предписаны ко взысканію, или дѣла по коимъ окончательно рассмотрѣны, слагаются тѣ, которые въ первоначальномъ составѣ или въ остаткахъ, за произведеннымъ взысканіемъ или сложеніемъ, не превышаютъ какъ общою суммою, такъ и по раскладкѣ ихъ на отвѣтственные лица ста пятидесяти рублей съ каждаго лица. Изъ начетовъ, ущербовъ и утратъ, превышающихъ сію сумму, слагается съ каждаго лица, взысканію подлежащаго, сто пятьдесятъ рублей.

V. По ущербамъ и утратамъ, причиненнымъ по настоящій день, равно по перетребованію по тотъ же срокъ казенныхъ денегъ или инаго имущества, когда признанный недостатокъ подлежитъ взысканію въ пользу казны съ виновныхъ или съ поручителей ихъ, или же съ другихъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ вдвое — взыскать только одну капитальную сумму. Процентовъ, гдѣ таковые за нарушеніе казенныхъ интересовъ полагаются и кои еще не постушили куда слѣдовало — не взыскивать за время до изданія сего указа, хотя бы сумма ихъ и превышала сто пятьдесятъ рублей.

VI. Всѣ казенныя денежныя взысканія по службѣ, въ томъ числѣ и взысканія за служебныя упущенія по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, падающія на наслѣдниковъ лицъ, подлежащихъ взысканію и умершихъ прежде изданія сего указа — простить, не подвергая взысканіямъ и тѣхъ, ко-

торые, въ случаѣ недостатка имѣнія означенныхъ наслѣдниковъ, должны были за нихъ отвѣтствовать, а равно лицъ, кои имѣли надзоръ за виновными и подверглись взысканію по несостоятельности сихъ послѣднихъ.

VII. Всѣ казенные по службѣ начеты, убытки и ущербы, причиненные дѣйствіями или упущеніями, со времени которыхъ до дня сего указа протекло не менѣе десяти лѣтъ, если дѣла о нихъ по настоящее число еще окончательно не рассмотрѣны — оставить безъ преслѣдованія.

VIII. Всѣхъ тѣхъ, кои по день сего указа, по несостоятельности къ платежу какихъ либо казенныхъ взысканій, содержатся подъ стражею, или отданы въ общественныя работы, Правительствомъ учрежденныя, или на поручительство, съ обращеніемъ выработываемыхъ ими денегъ на пополненіе числящихся на нихъ взысканій, а равно и тѣхъ, коихъ, по дознанной законнымъ порядкомъ несостоятельности, слѣдуетъ подвергнуть вышеозначеннымъ мѣрамъ взысканія — освободить отъ заключенія въ тюрьмѣ и отъ нахождения въ общественныхъ работахъ за ту часть взысканія, которая причитается въ пользу казны, не касаясь части, слѣдующей задержателямъ и не распространяя сего на дѣла еще неоконченныя.

IX. Дѣйствіе предшествовавшихъ I, II, IV, V, VI, VII и VIII статей не распространять:

1) На недоимки по бывшимъ питейнымъ откупамъ, казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, на недоимки въ акцизномъ съ разныхъ статей сборѣ, а равно и на недоимки по денежнымъ взносамъ за пожалованіе орденовъ; въ выкупныхъ платежахъ, слѣдующихъ съ крестьянъ-собственниковъ, въ земскихъ повинностяхъ, въ капиталахъ народнаго продовольствія, по ссудамъ изъ Государственныхъ кредитныхъ установленій и Государственнаго Казначейства, на взысканія суммъ, принадлежащихъ къ городскимъ доходамъ, общественнымъ и мірскимъ сборамъ и вообще къ сборамъ и доходамъ сословнымъ и особымъ учреждений.

2) На похитившихъ или растратившихъ казенную или принадлежащую учрежденнымъ отъ Правительства установленіямъ какого либо рода собственность, когда храненіе оной было имъ ввѣрено, постоянно или временно, а также на причинившихъ ущербъ казнѣ завѣдомо съ корыстною или иною противузаконною цѣлью.

3) На дѣйствія, по которымъ отчеты еще не представлены во дню сего указа.

X. Остающіеся ко дню сего указа непополненными штрафы за нарушеніе дѣйствовавшихъ до 1-го іюля 1875 года по гербовому сбору узаконеній, а также взысканія, опредѣленные и уже къ исполненію предписанныя за употребленную по тотъ же срокъ простую, вмѣсто гербовой бумагу — сложить и вновь за нарушеніе упомянутыхъ узаконеній штрафовъ не налагать.

XI. Простить и со счетовъ сложить:

1) Причитающіеся за десять лѣтъ до дня изданія сего указа штрафы за неправильное вчинаніе исковъ и слѣдующую въ казну половину штрафовъ за неправую апелляцію, а также за нарушеніе отмѣненныхъ уставовъ и постановленій Царства Польскаго о сборахъ консумціонномъ съ питей и мяса, шинковомъ, коперномъ, консенсовомъ и прежнихъ питейномъ, акцизномъ и табачномъ, не распространяя сего на тѣ части штрафовъ, которые слѣдуютъ въ пользу судей и секретарей присутственныхъ мѣстъ, открывателей нарушеній и богоугодныхъ заведеній.

2) Взысканія наложенныя и еще не поступившія до

дня изданія сего указа, за выдачу, безъ разрѣшенія надлежащаго начальства, наградъ изъ остатковъ штатныхъ или конфискаціонныхъ суммъ.

3) Недоимки, взысканія и штрафы, наложенные до дня изданія сего указа, на основаніи положенія о пошлинахъ за право торговли и промысловъ, за неимѣніе установленныхъ документовъ, какъ купеческихъ, по второй гильдіи, такъ и промысловыхъ (на мелочной, развозной и разносный торгъ, на мѣщанскіе промыслы и приказчицы), а также и за другія нарушенія, предусмотрѣнныя въ семъ положеніи (ст. 113, 115—123 прилож. къ ст. 464 св. зак., т. V, уст. о пошл., по прод. 1876 года.)

4) Недоимки, накопившіяся до дня изданія сего указа, по платежу повинностей съ лицъ, вступившихъ въ подряды и поставки на суммы, превышающія права ихъ званія, не распространяя сего на свидѣтельства по первой гильдіи.

5) Акциденціи и различные штрафы (крѣмъ взысканій за тайное водвореніе товаровъ), слѣдующіе въ казну по день изданія сего указа, за несоблюденіе установленныхъ таможенными узаконеніями правилъ по привозу товаровъ изъ-за границы, а именно: за ошибки и неправильности въ грузовыхъ документахъ и таможенныхъ объявленіяхъ, за неподачу сихъ объявленій въ установленный срокъ, за привозъ товаровъ изъ-за границы безъ грузовыхъ документовъ, за недоставленіе оттуда товаровъ противу представленныхъ грузовыхъ документовъ и за привозъ товаровъ, запрещенныхъ по тарифу или недозволенныхъ къ очисткѣ пошлиною въ той таможнѣ, куда товаръ привезенъ — въ размѣрѣ ста пятидесяти рублей съ cadaго лица.

6) Штрафы за поврежденіе таможенныхъ пломбъ, наложенныхъ на люки судовъ и вагоны желѣзныхъ дорогъ съ иностранными неоплаченными пошлиною товарами, а также на товарныя мѣста при перевозкѣ заграничныхъ, неоплаченныхъ пошлиною товаровъ изъ одной таможни въ другую и за доставленіе сихъ товаровъ по истеченіи установленнаго срока — въ размѣрѣ ста пятидесяти рублей съ cadaго лица.

7) Пошлины съ межевыхъ плановъ и книгъ, наложенныя за десять лѣтъ до дня изданія сего указа.

8) Пеню за несвоевременный платежъ крѣпостныхъ и эксдвизорскихъ пошлинъ.

9) Долги по ссудамъ, выданнымъ крестьянамъ изъ бывшаго хозяйственнаго капитала Министерства Государственныхъ Имуществъ на постройку церквей, домовъ, на покупку скота и на разные предметы.

10) Суммы, остающіяся въ долгу по ссудамъ, выданнымъ изъ Государственнаго Казначейства поселенцамъ въ Сибири на обустройство, по случаю вступленія въ бракъ съ поселенками.

11) Суммы, употребленныя за границу на содержаніе, лѣченіе и возвращеніе въ Россію разныхъ лицъ недостаточнаго состоянія.

XII. Сложитъ со счетовъ присужденныя, но ко дню изданія сего указа еще не взысканныя штрафы съ арендаторовъ казенныхъ и поцерковныхъ имѣній и другихъ оброчныхъ статей, за несоблюденіе контрактныхъ условій въ отношеніи поддержанія строеній и мельничныхъ плотинъ, обработки и обсева полей, насажденія деревьевъ, удобренія земли, невывозки соломы изъ имѣній, веденія хозяйственныхъ счетовъ и сдачи принадлежащаго къ имѣніямъ и оброчнымъ статьямъ движимаго имущества — въ размѣрѣ до ста пятидесяти рублей на одно лицо.

XIII. По тѣмъ, окончившимся до дня изданія сего указа

за аренда́мъ, по коимъ расчеты еще не заключены, казенныхъ взыска́ній на аренда́торовъ за несоблюде́ніе указанныхъ въ предѣдущей XII стѣтѣ условій—не налагать.

XIV. Дозволенный, утвержденнымъ Нами положеніемъ комитета по дѣламъ Царства Польскаго, 26-го мая 1870 года, платежъ ликвидаціонными свидѣтельствами недоимокъ по сборамъ въ Царствѣ Польскомъ, взимаемымъ за время по 1-е января 1869 года, а также разрѣшенный Высочайшимъ повелѣніемъ 22-го мая (3-го іюня) 1825 года платежъ недоимокъ ясекураціями распространить, на прежнемъ основаніи, на таковыя недоимки, накопившіяся по 1-е января 1879 года, съ изытіемъ отъ сего нижеслѣдующихъ платежей:

- а) Арендныхъ по временному и безсрочному содержанію казенныхъ имѣній.
- б) Излишка въ доходахъ съ пожалованныхъ имѣній.
- в) Арендныхъ и другихъ доходовъ съ имѣній по-прусскихъ, послѣ 1831 года приобрѣтенныхъ.
- г) Платежей и процентовъ съ имѣній и капиталовъ по-иезуитскихъ.
- д) Сбора на устройство второстепенныхъ шоссе́йныхъ дорогъ.
- е) Лотерейнаго дохода.
- ж) Казенныхъ ссудъ.
- з) Платежей польскому банку и страховыхъ, взимаемыхъ казначействами.
- и) Платежей фабрично-желѣзнаго фонда.
- і) Частныхъ записей.
- к) Транспортнаго сбора.
- л) Расходовъ по съемкѣ и устройству имѣній, причитающихся съ владѣльцевъ майоратовъ.
- м) Уплаченныхъ за тѣхъ же владѣльцевъ сборовъ на церковныя зданія.
- н) Платежей по долговременной арендѣ духовныхъ имѣній, причитающихся на основаніи контрактовъ на устройство крестьянъ и переносъ ихъ зданій.
- о) Выкупныхъ по безсрочной арендѣ.
- п) Ссудъ и авансовъ, выданныхъ изъ общественныхъ крестьянскихъ кассъ.
- р) Платежей съ казенныхъ имѣній, пожалованныхъ изъ конфискованныхъ, не составляющихъ исключительной собственности казны, но обезпеченныхъ въ пользу третьихъ лицъ, или могущихъ подлежать имъ къ возврату.
- с) Платежей за проданный лѣсъ изъ казенныхъ лѣсовъ или въ вѣдѣніи казны состоящихъ.
- т) Платежей отъ держателей казенныхъ имѣній за обремененіе крестьянъ и всей цѣнности причиненнаго имъ ущерба.
- у) Всего того, что въ счетъ платежей, которые разрѣшено платить ликвидаціонными свидѣтельствами и асекураціями, уже внесено по день указа наличными деньгами, или что можетъ быть почитано взаимными должниковъ къ казнѣ претензіями, происходящими съ тѣхъ же временъ.

XV. По ссудамъ, выданнымъ изъ казны по день изда́нія сего указа лицамъ, пострадавшимъ отъ пожаровъ, наводненій и другихъ несчастныхъ случаевъ, сложить со счетовъ и простить всѣ недоимки и проценты за просрочку, числящіяся на такихъ заемщикахъ, съ которыхъ поступившіе по день изда́нія сего указа платежи, вмѣстѣ съ процентами и пеней, покрываютъ первоначальный капиталный долгъ, а съ прочихъ заемщиковъ сложить по таковымъ ссудамъ проценты за просрочку платежей, равно числящіяся по день изда́нія сего указа недоимки, не превышающія по каждой отдѣльной ссудѣ сто пятьдесятъ рублей.

XVI. Сверхъ дарованнаго утвержденнымъ Нами, въ 9-й день января 1874 года, положеніемъ Комитета Министровъ лицамъ, получившимъ ссуды изъ казны, вслѣдствіе пожаровъ, наводненій и другихъ несчастныхъ случаевъ освобожденія отъ взаимной другъ за друга отвѣтственности по выданнымъ имъ ссудамъ, освободить отъ таковой отвѣтственности по симъ ссудамъ и непринадлежащихъ къ числу воспользовавшихся оными поручителей.

XVII. По нарушеніямъ лѣснаго устава:

1) Прекратить производство и взыска́ніе по дѣламъ о незаконной пастьбѣ скота въ казенныхъ лѣсахъ, объ охотѣ въ оныхъ, сборѣ валежника, подстилки и другихъ до дня изда́нія сего указа совершенныхъ, незначительныхъ нарушенійхъ лѣсныхъ правилъ.

2) Лѣсничихъ и чиновъ лѣсной стражи, подвергнутыхъ или подлежащихъ денежнымъ взыска́ніямъ за недосмотръ совершенныхъ, неизвѣстно кѣмъ, до дня изда́нія сего указа, лѣсныхъ порубокъ—отъ взыска́нія освободить. Сія милость не распространяется на чиновъ и сторожей, завѣдомо дозволившихъ кому либо нарушить существующія лѣсныя постановленія.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ сдѣлать въ исполненію сего надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

Въ С.-Петербурѣ.
19-го февраля 1880 года.

— Въ высокаторжественный день двадцатипятилѣтія достославнаго царствованія Его Императорскаго Величества, отъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода былъ представленъ нижеслѣдующій всеподданнѣйшій адресъ:

Благочестивѣйшій Государь!

Вознесши нынѣ, въ день совершившагося двадцатипятилѣтія Твоего достославнаго царствованія, усердныя молитвы о Тебѣ къ Царю Царствующихъ, вмѣстѣ со всею своею многомилліонною паствою, Святѣйшій Синодъ признаетъ своимъ священнѣйшимъ долгомъ повергнуть предъ Тобою, Помазанникъ Божій, выраженіе одушевляющихъ его чувствъ безпредѣльной признательности за всѣ тѣ высокія милости и щедроты, какія изліялъ уже Ты въ свое благословенное царствованіе на святую православную Церковь и ея пастырей.

Церковь отечественная навсегда сохранитъ благодарное воспоминаніе о великихъ дѣлахъ и благихъ начинаніяхъ Твоихъ, на пользу ея совершенныхъ. При Твоемъ отеческомъ попеченіи о духовномъ благѣ Богомъ ввѣреннаго Тебѣ народа, предпринято и благоуспѣшно окончено переложеніе священныхъ книгъ на русскій языкъ, чѣмъ православной русской паствѣ открылась возможность обильнѣйшаго пользованія сокровищемъ Слова Божія. По Твоей Державной волѣ, открыто въ отечественной Церкви нѣсколько новыхъ епархій и значительно увеличено число викарныхъ архіереевъ, въ помощь старѣйшимъ архипастырямъ, управляющимъ епархіями, а тѣмъ дарована имъ возможность болѣе обширнаго и плодотворнаго дѣйствованія на религиозное воспитаніе русскаго народа. Подъ Твоимъ Царственнымъ покровительствомъ, въ Литвѣ и Вѣлоруссіи многія тысячи вѣрнопопданныхъ Твоихъ обратились отъ несроднаго имъ латинства къ православію; въ холмской Руси совершилось воссоединеніе съ православною Церковію древнихъ чадъ ея, нѣкогда насиліемъ отторгнутыхъ въ унию, но чрезъ цѣлыя вѣка сохранившихъ живую память о вѣрѣ своихъ предковъ. Въ Прибалтійскомъ краѣ и многихъ

другихъ мѣстахъ благопотребно умножено число св. храмовъ, на средства государственныя и благочестивыя жертвы православнаго народа, находившаго въ семь святомъ дѣлѣ высокой для себя примѣръ въ щедрыхъ приношеніяхъ Твоихъ и всего Царствующаго Дома. Въ иныхъ мѣстностяхъ Отечества, среди искони православнаго его населенія, возникли, возрасли и расширились многоразличныя церковныя учрежденія, на пользу вѣры и благочестія служащія. Съ Твоего благоизволенія, получили начало: въ Грузіи—общество возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ и въ первопрестольной столицѣ—православное миссіонерское общество, а на отдаленныхъ окраинахъ имперіи—въ Сибири и Камчаткѣ—усилены апостольскіе труды проповѣдниковъ православія, и многія тысячи блуждавшихъ во тьмѣ языческаго жевѣрія приведены въ свѣту вѣры Христовой. Да и за предѣлами Твоей обширной Державы, на крайнемъ Востокѣ, въ странѣ языческой, священнослужителями нашей православной Церкви посѣяно уже сѣмя евангельскаго ученія и собрано юное стадо Христово изъ среды туземцевъ, и на берегахъ двухъ океановъ слышится наше православное богослуженіе, привлекая къ себѣ взоры и сердца иновѣрныхъ обитателей Новаго Свѣта.

Служители церкви отечественной никогда не престанутъ благословлять Августѣйшее Имя Твое, Всемилостивѣйшій Государь. Твое Царственное вниманіе къ ихъ нуждамъ благодѣтельно ознаменовано учрежденіемъ особаго присутствія для изысканія способовъ къ лучшему обезпеченію быта православнаго русскаго духовенства, назначеніемъ новыхъ щедрыхъ окладовъ содержанія церковнымъ причтамъ въ Привислѣскомъ и Прибалійскомъ краяхъ, возвышеніемъ окладовъ ихъ содержанія въ западномъ краѣ и при нашихъ церквахъ заграничныхъ; Ты благоволилъ усилить способы призрѣнія престарѣлыхъ священнослужителей и сирыхъ семействъ ихъ установленіемъ пенсій за службу епархіальную; Тобою дарованы и дѣтямъ православнаго духовенства новыя гражданскія права, открывающія имъ путь къ обезпеченію своего существованія на всѣхъ поприщахъ общественной дѣятельности.

Благословенно и незабвенно пребудетъ Царствованіе Твое, Великій Монархъ, для питомниковъ духовнаго просвѣщенія въ Отецествѣ, Державною волею Твоею возрожденныхъ къ новой лучшей жизни. Всемилостивѣйше дарованнымъ постояннымъ воспособленіемъ имъ изъ общихъ средствъ Государственныхъ они выведены изъ прежняго скуднаго и все болѣе оскудѣвающаго положенія; Высочайше утвержденными для нихъ новыми уставами имъ дарованы всѣ способы къ воспитанію достойнѣйшихъ служителей алтаря Господня; возвышены преимущества и трудящихся на высокомъ поприщѣ духовнаго образованія. Царственного вниманія Твоего удостоены и училища для дочерей духовенства, истинно-материнскими попеченіями и благосерднымъ покровительствомъ Ея Величества, Благочестивѣйшей Государыни Императрицы возвращенныя, прежде малыя въ числѣ и объемѣ, а нынѣ учрежденныя почти по всѣмъ епархіямъ и все болѣе благоустрояемыя согласно дарованному имъ уставу.

Отечественная Церковь чтитъ и будетъ чтить въ Тебѣ Царя, ее возвеличившаго и служителямъ ея благодарившаго. Она и купно съ нею вся Церковь православная съ признательностію внесетъ на страницы своей лѣтописи минувшее двадцатипятилѣтіе Царственного служенія Твоего, и предастъ грядущимъ поколѣніямъ, вмѣстѣ съ благоговѣйнымъ воспоминаніемъ о Твоей священной ревности къ ней, отрадную вѣсть о высокохристіанскихъ подвигахъ Твоихъ, начатыхъ освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости миллионъ рус-

скаго народа и увѣнчанныхъ освобожденіемъ миллионъ присныхъ намъ по вѣрѣ и крови христіанъ Балканскаго полуострова отъ пятывѣковаго ига мусульманскаго.

Благочестивый Государь! Да благословитъ Тебя Господь за все, донинѣ Тобою содѣянное во благо Его св. Церкви и вѣреннаго Имъ Тебѣ народа. Да сохранить и впредь, яко зѣницу ока, Твою драгоценную жизнь, которую уже столько разъ и такъ чудесно спасалъ Онъ отъ всякаго зла. Да наставляетъ и подкрѣпляетъ Онъ тебя своею благодатію во всѣхъ Твоихъ Царственныхъ подвигахъ, и да продолжитъ Твое благодѣтельное царствованіе еще на много и много лѣтъ для счастья отечественной Церкви и всей Россіи“.

На всеподданнѣйшей запискѣ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, при которой былъ представленъ на Высочайшее воззрѣніе означенный адресъ, Его Императорскому Величеству благоугодно было въ тотъ же 19-й день февраля Собственноручно начертать:

„Благодарю искренно. Да не оставитъ насъ Богъ въ теперешнихъ трудныхъ обстоятельствахъ. На Него возлагаю, какъ всегда, всю Мою надежду. Да будетъ воля Его!“

— 19-го февраля, государственный совѣтъ имѣлъ, въ 11 часовъ утра, чрезвычайное собраніе, въ которомъ состоялся слѣдующій журналъ:

«Государственный совѣтъ, въ чрезвычайномъ собраніи 19-го февраля 1880 года, въ торжественный день совершившагося двадцатипятилѣтія со дня востшествія Государя Императора на прародительскій престолъ, слѣдую сердечному влеченію, призналъ священнымъ долгомъ принести къ подножію престола Его Императорскаго Величества вѣроподданническое поздравленіе вмѣстѣ съ выраженіемъ одушевляющихъ совѣтъ благоговѣйныхъ чувствъ признательности и преданности.

«Государственный совѣтъ, какъ ближайшій участникъ въ осуществленіи предназначеній Государя по законодательству и высшему управленію, былъ постояннымъ свидѣтелемъ трудовъ Монарха по главнымъ отраслямъ державнаго Его дѣла. Совершившіяся въ настоящее царствованіе преобразованія и усовершенствованія въ законахъ, обновившія весь строй государства, являются плодами неисчерпаемой любви Его Императорскаго Величества къ Россіи и неунынной заботливости Его о благѣ вѣреннаго Ему Богомъ народа. Совѣтъ имѣлъ высокое счастье быть призваннымъ къ обсужденію и окончательной разработкѣ законодательныхъ мѣропріятій, память о которыхъ останется неизгладимою въ лѣтописяхъ нашего отечества.

«Наиболѣе важное изъ нихъ—освобожденіе крестьянъ—возымѣло начало отъ лица Самого Государя, развивалось и созрѣло подъ непосредственнымъ благотворнымъ руководствомъ Его Императорскаго Величества и исполнено успѣшно силою державной воли Его, встрѣченной единодушнымъ сочувствіемъ дворянства, при спокойствіи и довѣрїи сельскаго населенія.

«Великое, святое дѣло совершилось. Никому не знать и не счесть, сколько крестныхъ знаменій положено за него миллионами освобожденныхъ людей, сколько теплыхъ молитвъ вознесено къ Богу, сколько горячихъ, радостныхъ слезъ оросили русскую землю. Наименованіе Освободителя, въ благодарной памяти народной неразрывно связанное съ именемъ Александра II-го, будетъ навсегда краснорѣчиво простымъ свидѣтельствомъ того, что прочувствовано русскими сердцами.

«Дарованіе крестьянамъ правъ свободныхъ гражданъ и введеніе затѣмъ суда гласнаго, устнаго и равнаго для всѣхъ подданныхъ, въ связи съ цѣлымъ рядомъ другихъ, по всѣмъ отраслямъ управленія, узаконеній и улучшеній, указанныхъ отеческою заботливостью Монарха, дали странѣ новую жизнь. Россія возмужала и развилась.

«Не легкоъ былъ путь, пройденный Царственнымъ Труженикомъ; не мало разнообразныхъ препонъ дано было Ему побороть. Провидѣнію не угодно было умалить славу Его дѣяній удаленіемъ отъ Него той тяготы, которая по неисповѣдимымъ путямъ Промысла бываетъ неразлучна съ трудомъ созиданія, которая величавѣе проявляетъ духъ избранниковъ Бога и сильнѣе привязываетъ къ нимъ сердца людей. На ряду съ успѣхами и радостями представлялись трудности и ниспосылались печали. Но онѣ не смущали Его сердца, не ослабляли и не останавливали воли, благодѣющей Россіи.

«Гордое Вѣнценоснымъ своимъ Вождемъ, отечество съ молитвою торжествуетъ нынѣ двадцатипятилѣтіе Его царствованія. Стекающіяся изъ всѣхъ концовъ обширной имперіи отъ всѣхъ сословій и обществъ горячія заявленія о неизмѣнной преданности и благодарности Его Императорскому Величеству, сопровождаемыя щедрыми пожертвованіями на богоугодныя цѣли, свидѣтельствуютъ о безпредѣльной любви къ Монарху Его вѣроподданныхъ, желающихъ добрыми дѣлами привлечь на Его главу новыя благословенія. Учрежденіе училищъ, облегченіе обремененныхъ и неимущихъ и призрѣніе страждущихъ—вполнѣ достойное чествованіе Царя-Освободителя.

«Богъ всемогущій да сохранитъ Его на многіе годы!

«Исполненный сего упованія, государственный совѣтъ положилъ представиться Государю Императору въ полномъ составѣ совѣта, для принесенія Его Императорскому Величеству, въ настоящій торжественный и радостный для отечества день, вѣроподданическаго поздравленія и для выраженія чувствъ, одушевляющихъ членовъ государственнаго совѣта».

Вслѣдъ за подписаніемъ сего журнала, государственный совѣтъ торжественно отправился въ приемныя покои Его Императорскаго Величества.

По выходѣ Государя Императора, изложенный выше журналъ чрезвычайнаго собранія прочтенъ былъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта его императорскимъ высочествомъ государемъ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ.

По выслушаніи журнала, Его Императорское Величество изволило произнести:

«Благодарю васъ, господа, за выраженіе вашихъ чувствъ. Благодарю васъ также за ваши труды. Къ прискорбію Моему, нѣтъ уже въ живыхъ многихъ изъ тѣхъ, которые участвовали въ главныхъ законодательныхъ работахъ Моего царствованія.

«Благодарю всѣхъ ближайшихъ Моихъ сотрудниковъ»;—затѣмъ, обратясь къ августѣйшему предсѣдателю государственнаго совѣта и поцѣловавъ его, Государь Императоръ изволилъ продолжать: «начиная съ тебя, перваго Моего помощника въ крестьянскомъ дѣлѣ, а также всѣхъ министровъ, бывшихъ и нынѣшнихъ, въ особенности государственнаго канцлера.

«Надѣюсь, что совѣтъ будетъ, попрежнему, помогать Мнѣ въ предстоящихъ еще трудахъ.

«Уповаю, что Богъ насъ не оставитъ. Молюсь вмѣстѣ со Мною, и Господь выведетъ насъ

изъ того тягостнаго положенія, въ которомъ мы теперь находимся. Богъ да хранитъ всѣхъ васъ!»

Мѣстныя Распоряженія.

— **Перемѣщенія.** 21 февраля, настоятель Оникштынской церкви, Вилкомирскаго уѣзда, *Іоаннъ Савицкій* перемѣщенъ, по прошенію, въ с. Косичи, Брестскаго уѣзда.

— 22 февраля, и. д. псаломщика Дубинской церкви, Опшмянскаго уѣзда, *Давидъ Потомскій* перемѣщенъ къ Заборской церкви, Дисненскаго уѣзда.

— 22 февраля, настоятели церквей—Войскою *Инатій Сobotковскій* и Миронимскою *Тома Сobotковскій* взаимно перемѣщены, согласно прошенію, одинъ на мѣсто другого.

— 22 февраля, настоятель Александро-Слободской ц., Ковенскаго уѣзда, *Георгій Крастелевъ* перемѣщенъ къ Чернянской ц., Брестскаго уѣзда.

— 22 февраля, на вакантное мѣсто настоятеля Велико-рытской ц., Брестскаго уѣзда, перемѣщенъ, согласно прошенію, настоятель Чернянской ц., Брест. у., *Арсеній Измайловъ*.

— 21 февраля, и. д. псаломщика Дубенской церкви, Гродненскаго уѣзда, *Александръ Дубровскій* уволенъ, по болѣзни, отъ должности.

— 16 февраля, утвержденъ въ должности церковнаго старосты выбранный къ Юдицинской церкви крест. Юдской волости дер. Дубниковъ *Тарасъ Павловскій*.

Мѣстныя Извѣстія.

— **Вакансіи. Настоятеля:** въ с. Александровской-Слободы—Ковенскаго уѣзда, въ с. Оникштахъ—Вилкомир. уѣзда, въ с. Черянахъ—Брест. у., въ с. Судельникахъ и *Изабелинъ*—Волковыскаго уѣзда. **Псаломщиковъ:** въ с. *Василишкахъ*, Лидскаго уѣзда, въ с. *Леополь*—Диснен. у., въ с. *Дубинь*—Гродн. у. и въ с. *Дубинахъ*—Опшмян. у.

Неофициальный Отдѣлъ.

РѢЧЬ,

въ день двадцатипятилѣтія царствованія Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича 19 февраля 1880 г. *).

Христолюбивые воины, возлюбленные сыны Россіи! Настоящій, высокоторжественный день вдвойнѣ священикъ, дорогъ и радостенъ для каждаго изъ насъ, какъ годовщина восшествія на прародительскій престолъ и двадцатипятилѣтній юбилей достославнаго царствованія Государя Императора Александра Николаевича. Мы съ самодовольствомъ видимъ въ Немъ Царя не только Богомъ вѣнчанаго и Богомъ поистинѣ хранимаго, но Богомъ славою и честью превознесеннаго предъ лицомъ не одной Россіи, но и всего человѣчества. Продолжительное царствованіе Его составляетъ одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ нашей отечественной исторіи. Оно ознаменовано многими великими событіями и плодотворными преобразованиями, которыми великодушнѣйшій Монархъ нашъ даровалъ Россіи новую жизнь, двинулъ ее на путь истинно-либеральнаго прогресса, силы и могущества. Важнѣйшая и благодѣтельнѣйшая реформа настоящаго царствованія—упищженіе крѣпостнаго права. Великая мысль объ освобожденіи крестьянъ, всегда занимавшая еще въ Бозѣ

*) Произнесена въ Брестъ-Литовскомъ крѣпостномъ соборѣ предъ началомъ благодарственнаго молебствія.

почившаго Императора Николая I, приведена въ исполненіе, осуществилась Высочайшимъ манифестомъ Государя Императора 19 февраля 1861 года. Великое дѣло совершилось мирно, безъ всякихъ потрясеній. Зло крѣпостничества, такъ долго тяготѣвшее надъ Россіей, исчезло благодаря непреклонной волѣ державнаго Царя. Двадцать три милліона крестьянъ зажили новою жизнью, вкушая блага свободного труда и самоуправления. И за предѣлами своего царства на дальнемъ востокѣ Государь Императоръ явился защитникомъ угнетеннаго челоѣка въ лицѣ родственныхъ намъ славянскихъ племенъ. Многострадальная Болгарія Ему обязана своимъ освобожденіемъ отъ многолѣтняго, жестокаго Турецкаго ига, своею политическою независимостію и національною свободою. Уже одного достохвальнаго и вполне заслуженнаго наименованія Царя-Освободителя достаточно для вѣковѣчной славы, которая и не перестанетъ гремѣть о Царѣ нашемъ изъ рода въ родъ, среди самаго отдаленнаго потомства. Но имъ не исчерпываются всѣ подвиги нашего Августѣйшаго Монарха. Онъ преобразовалъ разныя отрасли нашей государственной жизни, даровалъ Россіи судъ гласный, судъ „скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ“, земское и городское самоуправленіе, ввелъ всеобщую воинскую повинность, широко распространилъ въ народѣ грамотность. Словомъ, всю жизнь свою посвятилъ неусыпнымъ заботамъ и трудамъ ко благу горячо любимой имъ Россіи и сдѣлалъ для нея столько добра, сколько не сдѣлалъ ни одинъ изъ его предшественниковъ.

Благодарная Россія глубоко чувствуетъ безчисленныя благодѣянія, оказанныя ей благодѣйшимъ Царемъ въ теченіе четверти вѣка. Для увѣковѣченія ихъ, всѣ сословія и народы Россіи, представители городовъ и земства ознаменовали двадцатипятилѣтіе царствованія Государя Императора цѣлымъ рядомъ благотворительныхъ дѣлъ. Они принесли значительныя пожертвованія на учрежденіе стипендій, приютовъ, больницъ, школъ и библиотекъ, и ходатайствовали о присвоеніи многимъ изъ нихъ высокаго права называться Александровскими, въ честь августѣйшаго имени Его Величества.

Чѣмъ единодушнѣе и рельефнѣе выражается непредѣльная любовь и преданность къ Царю русскаго народа, тѣмъ болѣе непонятнымъ и уму неостижимымъ представляется то, что среди него успѣло образоваться, упорно держится и настойчииво, съ неслыханною дерзостію, преслѣдуетъ свои преступныя, богомерзкія цѣли тайное общество нигилистовъ, которое, кажется, направляетъ всѣ свои усилія противъ священной особы Государя Императора. Вамъ хорошо извѣстно безпримѣрное въ исторіи, адское и уже пятое, покушеніе на жизнь Царя, бывшее въ собственномъ Его жилищѣ—въ Зимнемъ Императорскомъ дворцѣ, назадъ тому двѣ недѣли, злосчастнаго 5 февраля. По своей гнусности и безбожности оно превышаетъ всѣ злодѣйскіе замыслы, извѣстные въ мірѣ; рассчитано было на гибель не только Царя, но и всей царской семьи. Злодѣи хотѣли однимъ ударомъ, разомъ лишитъ Россію не только того, на комъ почиваютъ ея надежды въ настоящемъ, но и тѣхъ, на комъ основывается и зиждется ея свѣтлое упованіе въ будущемъ. Видно, темные дѣятели революціонной пропаганды—эти исчадія русскаго нигилизма не уступаютъ ни предъ чѣмъ и ни предъ кѣмъ, не останавливаются ни предъ какими средствами, думая переродитъ Россію пулями, кинжаломъ, порохомъ и динамитомъ. Они хотятъ разрушить все, ниспровергнуть весь теперешній строй русскаго государственной жизни, чтобы потомъ буйствовать

и неистовствовать посреди своей родины, залитой потоками слезъ и крови.

Скажите, въ комъ изъ васъ не стынетъ кровь въ жилахъ при одномъ представленіи о тѣхъ ужасныхъ бѣдствіяхъ, о томъ отчаяніи, въ какія повергъ бы всю Россію дьявольскій замыселъ 5 февраля, если бы онъ удался? Кто можетъ безъ глубокаго омерзѣнія и отвращенія относиться къ злодѣяніямъ, совершаемымъ на землѣ нашей подпольною агитаціей? Кто не видитъ какую страшную будущность она хочетъ приготовить ей? Поднимись же вся Русская земля, какъ одинъ челоѣкъ, на охрану Царя своего! Сплотитесь всѣ во едино, станьте сплошною массою, несокрушимымъ оплотомъ вокругъ верховнаго Вождя и Повелителя на стражѣ спокойствія и благополучія Россіи, которую хочетъ потрясти и поколебать тайная крамола! Когда на землѣ русской забьетъ живой ключъ общественной дѣятельности, чуждой своекорыстія и стремленія къ легкой наживѣ, но всецѣло одушевленной сознаниемъ долга и высокихъ обязанностей; когда счастье и горе, радости и невзгоды родины сдѣлаются болѣе близкими нашему сердцу, чѣмъ наши собственные, когда всѣ, какъ частныя лица, такъ и общественныя учрежденія поставятъ себѣ цѣлю служеніе общему благу, славу и честь Бога, Царя и отечества; тогда эти неуловимые злоумышленники, возмущающіе внутренній миръ государства не найдутъ никакой почвы подъ собою и неминуемо исчезнутъ какъ дымъ, расточатся какъ прахъ ничтожный.

Но скоро ли Русь дождется, чтобы всѣ граждане ея, представляющіе собою притомъ смѣсь языковъ и племенъ, содѣлались безукоризненными радѣтелями общей пользы и дождется ли когда нибудь? И въ какой благословенной странѣ есть такое общество, которое не выдѣляло бы изъ себя грязныхъ подонковъ,—негодныхъ членовъ, съ которыми приходится мириться какъ съ неизбѣжнымъ зломъ. Поэтому не станемъ надѣяться на свои собственные силы въ борьбѣ съ нашими внутренними врагами, которая для насъ тѣмъ труднѣе, что противники наши не явные, но старательно скрываются отъ насъ во тьмѣ и мракѣ; но возложимъ упованіе наше на Бога и оно насъ не посрамитъ. Милосердый Богъ, управляющій судьбами отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ народовъ, явно милуетъ насъ, видимо спасаетъ Помазанника Своего отъ грозящихъ ему опасностей. Онъ заповѣдалъ ангеламъ своимъ хранить его во всѣхъ путяхъ его жизни. Одушевленные живою надеждою на помощь Божію, воззовемъ изъ глубины души къ Богу Спасителю нашему, упованію всѣхъ концовъ земли: Господи Саваоѣ! Возстани силою Твоею противъ звѣрекой и бѣснующейся злобы тайныхъ враговъ нашихъ, сокруши ихъ и сохрани на многія лѣта подъ всемогущимъ покровомъ Твоимъ возлюбленнаго Императора нашего Александра Николаевича и весь царствующій домъ, съ которыми неразрывно связано спокойствіе, процвѣтаніе и благоденствіе нашего отечества. Аминь.

Настоятель Врестъ-Литовскаго крѣпостнаго собора, протоіерей *Константинъ Маковельскій*.

Упадокъ мысли и совѣсти въ стрѣ современной русскаго общественной жизни *).

Что-то принесетъ намъ, христіане, наступающій новый годъ? Чего ожидать, чего желать намъ нужно отъ него?

*) Такое заглавіе мы осмѣлились дать прекрасному слову извѣстнаго Московскаго проповѣдника о. прот. Иванцова-Платонова, сказанному въ новый годъ, перепечатавая оное

Тяжело намъ русскимъ людямъ живется въ послѣднее время; это, кажется, всѣ сознають. Сколько въ немногіе годы пришлось пережить русскому народу матеріальныхъ бѣдствій! Пожары, неурожаи то въ той, то въ другой мѣстности, эпидемическія болѣзни... Война... справедливая и славная, проявившая лучшія нравственныя качества русскаго народа, и совершившая великое дѣло освобожденія другаго народа единовѣрнаго и единоплеменнаго намъ, но, какъ всякая война, отнявшая у Россіи многія тысячи вѣрныхъ и крѣпкихъ сыновъ, внесшая потерю и скорбь въ тысячи русскихъ семействъ. Затѣмъ, сколько нравственныхъ потрясеній приходится испытывать въ послѣднее время нашему обществу. Какія преступленія обнаруживаются и въ высшихъ слояхъ общества, какое разстройство въ семьяхъ, какія нравственныя шатанія, увлеченія, болѣзни, горькія и мучительныя... до погубленія самой жизни, преимущественно въ молодомъ поколѣніи, на которомъ въ особенности должны бы покоиться лучшія наши надежды. Рѣдко можно встрѣтить семью въ извѣстномъ классѣ общества, которой бы жилось вполне спокойно и радостно, въ которой бы не было какихъ нибудь горькихъ воспоминаній въ прошедшемъ, или тревожныхъ опасеній за будущее...

И особенно тяжело, особенно мраченъ былъ минувшій 1879-й годъ. Въ началѣ года мы смущены были страшною вѣстью о приближеніи губительной язвы—изъ тѣхъ язвъ, которыя, когда появляются, опустошаютъ цѣлые города и страны, въ немногіе мѣсяцы губятъ сотни тысячъ людей... За тѣмъ, физическое состояніе страны было неблагоприятнѣе прежняго: во многихъ мѣстахъ плохіе урожаи, въ иныхъ—отъ непомярнаго зноя и засухи, въ другихъ—отъ необычныхъ по времени года холода и мокроты и отъ другихъ причинъ. Пожары еще многочисленнѣе и опустошительнѣе, чѣмъ въ прежніе годы, и пожары не только отъ небрежности и случайныхъ причинъ, но и отъ злонамѣренности... Наконецъ нравственное шатаніе въ общественной жизни доходитъ до крайнихъ степеней. Въ одинъ годъ нѣсколько такихъ судебныхъ процессовъ, по которымъ, при всѣхъ смягченіяхъ, признаны необходимыми до десяти смертныхъ приговоровъ, —чего не бывало прежде въ многіе годы!... Въ одинъ годъ два обнаружившихся покушенія на позорнѣйшее преступленіе, угрожавшее величайшею смутой всей народной жизни. А сколько осталось зла необнаруженнаго, сколько гибельныхъ намѣреній таится во мракѣ на будущее время... И сколько изъ за этого всеобщей тяготы, взаимныхъ недоразумѣній, недоувѣрій, подозрѣній, стѣсненій... и въ лучшей части общества.

Господь пока не прогнѣвался на насъ до конца... Онъ не наказалъ насъ страшною губительною язвой, спасъ нашу народную честь отъ позорнѣйшаго преступленія и народную жизнь отъ величайшей смуты. Не забудемъ возблагодарить милость Божію, будемъ твердо помнить, что мы были на краю гибели, и только Господь спасъ насъ... Но вмѣстѣ съ тѣмъ нужно намъ серьезно подумать о себѣ... о томъ, чтобы на будущее время Господь *оторатилъ отъ насъ свой гнѣвъ праведно на ны движимый, и избавилъ насъ отъ належащаго и праведнаго прещенія*. Ибо бѣдствія, насъ постигающія и угрожающія намъ, безъ сомнѣнія могутъ совершаться не безъ нашей нравственной вины. Народныя бѣд-

на страницахъ Лит. еп. вѣдомостей. Въ настоящее томительное для души время сердечно радуешься, когда съ церковной кафедры слышишь вѣнныя силы духа и жизни, пробуждающее такъ или иначе мысль и чувство слушателей и заставляющее ихъ думать и думать. Къ числу такихъ словъ принадлежитъ и настоящее. *Ред. Д. Е. В.*

ствія обыкновенно бываютъ испытаніемъ нравственной крѣпости народа, или наказаніемъ грѣховъ, укореняющихся въ жизни народной.

Въ чемъ же наша вина? Гдѣ корень зла? Гдѣ источникъ нашихъ нравственныхъ болѣзней и общественныхъ бѣдствій? Кто дастъ отвѣтъ на это? Что въ нравственной жизни нашей много не хорошаго, не нормальнаго,—это мы, кажется, всѣ сознаемъ: но въ чемъ источникъ нашихъ нравственныхъ болѣзней, это едва-ли кто нибудь ясно представляетъ.

Не въ томъ ли однакожъ и узелъ вопроса, не въ томъ ли и главная наша нравственная болѣзнь, что мы даже и не сознаемъ, откуда идутъ наши недуги, что у насъ, значитъ, ослабли и затмились самыя органы нравственнаго самосознанія, т. е. крѣпкая мысль и чистая совѣсть? Подумаемъ нѣсколько объ этомъ, по крайней мѣрѣ, на нынѣшній разъ.

Такъ, дѣйствительно у насъ ослабли главные органы нравственнаго самосознанія и жизненнаго самоуправления—мысль и совѣсть... Мы говоримъ не объ отдѣльныхъ личностяхъ, а о цѣломъ строѣ общественнаго развитія; въ немъ ослабленіе мысли и совѣсти—характеристическая и самая печальная черта. Можетъ быть, эти слова покажутся странными. Повидимому, никогда столько, какъ въ послѣднее время, не заботились у насъ о накопленіи и распространеніи знаній, объ образованіи такъ называемыхъ убѣжденных, о выработкѣ нравственныхъ принциповъ. Но въ томъ-то и дѣло, что заботятся только о накопленіи и распространеніи знаній, —а на развитіе и укрѣпленіе самой мысли, владѣющей и управляющей знаніями, обращаютъ мало вниманія; а безъ крѣпкой мысли, частныя знанія, какъ бы ихъ много ни было, —беспорядочная масса, отъ которой мало бываетъ плода въ жизни. Въ томъ-то и дѣло, что толкуютъ много объ убѣжденіяхъ; а о живой вѣрѣ, которая даетъ смыслъ и жизненность всякимъ убѣжденіямъ, мало думаютъ, безъ живой вѣры эти такъ называемыя убѣжденія остаются часто красивыми фразами, повторяемыми съ чужаго голоса, и неимѣющими вліянія на жизнь... Въ томъ-то и дѣло, что хлопчутъ о выработкѣ нравственныхъ принциповъ путемъ одной мысли (да и мысли неутвержденной), а о томъ, что составляетъ живой корень всей нравственной жизни—о доброй совѣсти мало заботятся, и что такое совѣсть и какъ нужно воспитывать ее рѣдко вспоминаютъ, самое слово „совѣсть“ рѣдко произносятъ. А безъ доброй совѣсти—безъ этого внутренняго чувства и побужденія правды и добра—эти такъ называемые нравственные принципы, остающіеся лишь въ головѣ и на языкѣ, оказываются часто дутыми пузырями, неспособными выдержать самаго слабаго прикосновенія жизненныхъ испытаній. Вотъ отъ этого-то и бываетъ у насъ, что люди образованные, владѣющіе большими знаніями и повидимому честные и благородные, по крайней мѣрѣ другимъ и иногда самимъ себѣ представляющіеся такими, люди проповѣдующіе благороднѣйшія убѣжденія и возвышенныя нравственные принципы, вдругъ оказываются способными на самыя безчестныя и преступныя дѣла—на воровство, обманъ, измѣну,—съ такими качествами являются на скамьяхъ подсудимыхъ,—и тамъ произносятъ возвышенныя рѣчи о честности и благородствѣ, объ убѣжденіяхъ и принципахъ, и подобными рѣчами производятъ впечатлѣнія на слушающихъ ихъ...

Но не будемъ говорить о крайностяхъ и частныхъ случаяхъ. Обратимъ вниманіе на нѣкоторыя общія явленія, которыми отражается упадокъ мысли и совѣсти въ строѣ современной общественной жизни.

Этимъ упадкомъ объясняется прежде всего то, что у насъ такъ сильно распространяется ложь въ послѣднее время, ложь, извращающая всѣ здоровыя стремленія, подтачивающая всѣ живыя силы общественнаго организма. Ложь распространяется во всѣхъ видахъ и направленіяхъ: ложь предъ другими и ложь предъ самими собою, ложь въ частныхъ дѣлахъ и сношеніяхъ и ложь въ дѣлахъ общественныхъ,—ложь съ расчетомъ и ложь безъ всякаго расчета по дурной привычкѣ, ложь безсознательная и ложь завѣдомая, желающая обмануть другихъ, и большею частію никого необманывающая,—ложь, какъ говорятъ, необходимая и извинительная, безъ которой будто бы совѣмъ нельзя жить въ обществѣ (такъ хорошо сложилась общественная жизнь!) и ложь произвольная, которую уже совершенно по охотѣ расточаютъ въ прибавокъ къ лжи, ставшей необходимою... И нѣтъ, кажется, такого чистаго и святаго дѣла, которое бы не было запятано ложью. Ложь въ великомъ дѣлѣ общественнаго воспитанія; и берутся за него многіе безъ всякаго расположенія и усердія, безъ всякаго сознанія его важности и отвѣтственности, и ведутъ его безъ всякаго убѣжденія, иногда даже вопреки собственному, какому бы то ни было, убѣжденію. Ложь въ разныхъ родахъ общественной службы: и здѣсь часто берутся за дѣло безъ всякаго желанія добросовѣстно служить ему, и исполняютъ его совѣмъ не такъ, какъ желаютъ представиться другимъ. Ложь въ наукѣ и литературѣ; здѣсь не рѣдко говорятъ о томъ, чего сами не знаютъ, и провѣдуютъ то, въ чемъ сами не убѣждены... Ложь, отрицающая вѣру, законъ, порядокъ, семейную, общественную и государственную жизнь, безъ всякаго серьезнаго вниканія въ существенныя основы вѣры, закона, порядка, семейной, общественной и государственной жизни, и ложь, иногда защищающая все это безъ всякаго убѣжденія, защищающая на словахъ и разрушающая на дѣлѣ... Гдѣ же тутъ добаться до причины какого нибудь важнаго общественнаго явленія, до корня серьезной общественной болѣзни, гдѣ тутъ найти выходъ изъ общественныхъ затрудненій, когда все это покрыто, затуманено и извращено ложью!...

Съ этимъ важнымъ недугомъ современной общественной жизни связывается другой, не менѣе важный,—непомѣрная гордость и самообольщеніе, и отсюда крайнее послабленіе относительно себя и безпощадная строгость къ другимъ. Эти недостатки также вѣрный показатель упадка самосознанія, плохаго состоянія мысли и совѣсти. Когда у людей не достаетъ серьезнаго вниманія къ себѣ и испытанія себя; тогда обыкновенно у нихъ недостатки (собственные) укрываются отъ глазъ, а все, что можетъ быть признано за достоинство, принимаетъ преувеличенные, фальшивые размѣры. Такъ это и замѣтно у насъ. Мы говоримъ опять не объ отдѣльныхъ личностяхъ, а о цѣломъ строѣ общественной жизни, о господствующемъ направленіи живущихъ и дѣйствующихъ теперь поколѣній. Едва ли когда нибудь жившія у насъ на Руси поколѣнія отличались такою гордостью и самоувѣренностью, такимъ самодовольствомъ и самообольщеніемъ, какъ современные нашъ поколѣнія (мы говоримъ вообще, неразличая старшихъ и младшихъ, сорокалѣтнихъ и двадцатилѣтнихъ,—потому что, къ сожалѣнію, въ этомъ они близко подходятъ другъ къ другу). Мы необыкновенно гордимся своимъ временемъ, хотя, конечно, не мы сами создали свое время и хотя вмѣстѣ съ тѣмъ мы и жалуемся постоянно на тяжесть нашего времени. Мы гордимся быстрыми успѣхами въ развитіи общественной жизни, новыми лучшими порядками, не обращая вниманія на то, что эти лучшіе порядки не нами

устроены и подготовлены, и часто относясь съ пренебреженіемъ и порицаніемъ къ тѣмъ, которые ихъ для насъ подготовили и устроили. Мы гордимся успѣхами современной науки, и лишь ея методы и приемы считаемъ настоящими научными методами и приемами; и здѣсь мы забываемъ, что въ развитіи этой современной науки мы-то собственно принимали очень мало участія, и что наука началась не съ нашего только времени, что она существовала и работала и въ прежнія времена,—и многое, что мы считаемъ теперь новымъ, было извѣстно и прежде,—да кромѣ того—можетъ быть было извѣстно и еще кое что другое, что мы теперь въ самообольщеніи своемъ позабыли.. Мы наконецъ всего болѣе гордимся и обольщаемся красивыми фразами, которыя большею частію повторяемъ съ чужаго голоса, принимаемъ ихъ за настоящее и свое собственное великое дѣло, не вникая въ ихъ дѣйствительный смыслъ, не провѣряя ихъ указаніями жизни, и часто въ жизни представляя имъ совершенное противорѣчіе. Гдѣ же тутъ намъ серьезно искать исцѣленія отъ своихъ нравственныхъ болѣзней, исхода изъ общественныхъ затрудненій, когда мы такъ самодовольны и самообольщены, что серьезно и не сознаемъ этихъ болѣзней и этихъ затрудненій?...

Съ этимъ непомѣрнымъ самоувѣреніемъ и самообольщеніемъ соединяется, какъ всегда это бываетъ, безпощадная строгость къ другимъ, страсть къ пересудамъ, къ злословію и порицанію. И эта страсть никогда, кажется, не распространялась въ обществѣ такъ сильно и не поддерживалась такъ дружно, какъ въ настоящее время,—и не только въ низшихъ слояхъ общества, но еще болѣе въ высшихъ, и не только между невѣжественными, необразованными людьми, но еще болѣе между образованными. И все это теперь прикрывается обольстительными словами—благороднымъ принципами. Что прежде извинялось слабостью и увлеченіемъ, то теперь возводится въ возвышенный принципъ и нравственный подвигъ. Что прежде называлось просто сплетнею, злословіемъ и празднословіемъ, то теперь выводится изъ высшихъ побужденій гражданской честности, общественнаго негодованія, ревности о благѣ и правдѣ и т. д. Сплетня и злословіе не только безъ всякой сдержанности распространяются въ обычныхъ будничныхъ отношеніяхъ нашей жизни, но находятъ себѣ мѣсто и въ самыхъ высшихъ выраженіяхъ общественной мысли и органахъ общественнаго воспитанія. Сплетня и злословіе въ литературѣ: въ ней многіе завѣдомо торгуютъ сплетней и злословіемъ, и завѣдомо развращаютъ смыслъ и нравственное чувство общества. Сплетня и злословіе проникаютъ въ самую науку; иные возводятъ сплетню и злословіе какъ бы въ научный принципъ, съ особенною тщательностью и усердіемъ изслѣдуя и въ современной жизни и въ давно минувшей то именно, что по преимуществу можетъ быть предметомъ сплетни и злословія. Нѣтъ лица, дѣла, учрежденія, идеи, которыхъ бы не могли коснуться въ настоящее время сплетня и злословіе. Въ современныхъ поколѣніяхъ сплетнѣ и злословію предаются не только все то, чѣмъ сами они живутъ, но и все, чѣмъ жили ихъ предки дѣлѣе вѣка прежде ихъ. Прежнія вѣрованія, прежніе идеалы, общественные нравы, семейная жизнь, воспитаніе прежняго времени, наука и литература, существовавшія прежде—все это подвергнуто осмѣянію, пересужденію, злословію—въ современномъ поколѣніи... Что же, само-то современное поколѣніе создало себѣ болѣе твердыя вѣрованія, болѣе высокіе идеалы, выработало лучшіе нравы, болѣе крѣпкую семейную жизнь, твердые принципы воспитанія,—дало болѣе сильныя таланты въ наукѣ, въ искусствѣ,

въ литературѣ, выставило много замѣчательныхъ дѣятелей въ общественной жизни? О, если бы такъ было... Но едвали позднѣйшимъ поколѣніямъ не придется произнести надъ нашимъ поколѣніемъ еще болѣе строгій.. и болѣе справедливый судъ, чѣмъ тотъ, какой наше поколѣніе произноситъ надъ другими.. И наконецъ во имя чего совершается этотъ строгій судъ надъ лицами, дѣлами, учреждениями, цѣлыми эпохами и т. д...? Какихъ нибудь твердыхъ началъ и принциповъ, возвышенныхъ идей и убѣжденій, по которымъ бы серьезно оцѣнивалось то, что такъ свободно и смѣло пересуждается и осуждается, болшею частію у самихъ пересуждающихъ и осуждающихъ не оказывается. Болшею частію, осуждая и пересуждал другихъ, какъ бы только стараются закрыть собственную пустоту, отсутствіе въ себѣ самихъ положительныхъ идеаловъ и сочувствій, стараются отвести глаза отъ того, что въ нихъ самихъ стоило бы строгаго обсуждения и осужденія. Обращать вниманіе на свои собственные недостатки, искренно раскаиваться въ нихъ, съ готовностью принимать вразумленія и обличенія относительно ихъ, заботиться прежде о собственномъ исправленіи, чѣмъ объ исправленіи другихъ — какъ это рѣдко въ настоящее время!.. Какимъ же образомъ можетъ серьезно пойти впередъ наше общественное улучшеніе, когда мы главнымъ образомъ занимаемся разбискиваніемъ и указаніемъ сучковъ въ чужихъ глазахъ, не обращая вниманія на бревна, остающіяся въ нашихъ собственныхъ?

Характеристическимъ признакомъ современнаго упадка мысли и совѣсти служитъ также и то, что въ настоящее время чрезвычайно легко и поверхностно относятся ко всему, что должно требовать серьезнѣйшаго вниманія — къ религіи, къ наукѣ, ко всему строю общественной жизни, — къ важнѣйшимъ общественнымъ событіямъ, къ общественнымъ дѣятелямъ, къ общественнымъ недугамъ. Обо всемъ судятъ легко и развязно, часто не давая себѣ ни малѣйшаго труда ознакомиться съ тѣмъ, о чемъ судятъ. Всѣхъ осуждаютъ, не пытаясь въ самой мысли ставить себя на мѣсто осуждаемыхъ. Во всякомъ дѣлѣ подмѣчаютъ вопіющія ошибки; кажется, если бы это дѣло было въ нашихъ рукахъ, оно вышло бы безукоризненно хорошо; а случись кому нибудь изъ осуждающихъ попасть на мѣсто осуждаемыхъ, не только повторяются тѣ же ошибки, но и оказывается иногда еще хуже. Къ общественнымъ неурядицамъ и недугамъ мы повидимому относимся со скорбію и негодованіемъ. Но это болшею частію только повидимому. Иные скорбятъ и негодуютъ по обязанности, потому что такъ поставлены, что не могутъ относиться равнодушно къ извѣстнымъ явленіямъ, — иные изъ тщеславія, чтобы не отстать отъ другихъ; иные даже изъ расчета, потому что и самая гражданская скорбь и общественное негодование могутъ иногда приносить личную выгоду. Въ сущности же все это болшею частію напускное. Въ сущности болшинство ко всему относится такъ равнодушно и легко, что если бы, кажется, въ самомъ дѣлѣ на насъ обрушились (чего избежи Богъ!) величайшія бѣдствія — государственная смута, моровая язва или что нибудь подобное, по всей вѣроятности многіе, пока до нихъ лично это бѣдствіе не коснулось, продолжали бы также легко и спокойно, какъ обыкновенно это дѣлаютъ, ѣсть, пить и веселиться, празднословить и злословить, обдѣлывать свои дѣла и обманывать другъ друга, играть въ карты, ѣздить въ клубы и театры, когда нужно быть церквы и т. д... Повидимому, насъ занимаютъ важныя общественныя событія, совершающіяся въ нашемъ отечествѣ и въ другихъ странахъ; но занимаютъ болше, какъ интересъ дня, какъ газетная новость, какъ

предметъ для бесѣды. Какъ падки мы стали на эти новости, и какъ стараются угощать насъ тѣ, которые имѣютъ свои выгоды въ этомъ, самыми разнообразными и самыми раздражающими новостями! И для многихъ всѣ эти новости совершенно равны, происходятъ ли онѣ на краю свѣта, или кажутся внутреннихъ основъ нашего отечества, и какого бы качества и значенія они ни были: пріѣздъ искуснаго фокусника, или новой иностранной пѣвицы, ловкая афера какого нибудь общественнаго дѣятеля, новый выдающійся процессъ въ судѣ (скандальнаго или политическаго свойства — все равно), новыя самоубійства, съ такими картинными подробностями описываемыя въ газетахъ (особенно, когда по поводу нихъ можно уколоть кого нибудь) у иныхъ вызываютъ совершенно одинаковыя возбужденія... О каждой изъ такихъ новостей мы готовы бываемъ поговорить дня два — три, не оставляя своихъ обычныхъ занятій, развлеченій, привычекъ; но ни надъ чѣмъ мы серьезно не задумываемся. Ни одно событіе не производитъ существеннаго измѣненія во внутреннемъ строѣ нашей мысли и жизни. Едва ли далеко уйдемъ мы, едва ли къ добру прійдемъ съ такимъ отношеніемъ къ дѣлу!..

Отъ этого же легкаго и равнодушнаго отношенія къ дѣлу, и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ этого же — въ корнѣ зла — упадка мысли и совѣсти, происходитъ и то, что, когда наконецъ какое нибудь слишкомъ значительное общественное явленіе невольно выводитъ насъ изъ обычнаго равнодушія, невольно вызываетъ на серьезную мысль, на рѣшительную мѣру. — мы часто оказываемся совершенно неспособны къ серьезной мысли, къ рѣшительному, искреннему и дружному дѣйствованію. Когда нужно подумать о себѣ, мы сводимъ рѣчь на другихъ. Когда требуется добросовѣстно обратить вниманіе на источникъ зла, находящійся около насъ, мы пускаемся въ разслѣдованіе причинъ общихъ и отдаленныхъ. Когда напротивъ нужно изслѣдовать общія причины извѣстныхъ явленій, у насъ сводится дѣло на личности и случайности. Вообще болше всего обращается вниманіе въ настоящее время на внѣшнюю сторону дѣла — на форму, а не на сущность, не на внутреннія нравственныя стороны... Вездѣ толкуютъ о внѣшнихъ перемѣнахъ; всего ожидаютъ отъ измѣненія внѣшнихъ формъ общественной жизни. Но, такъ какъ корень зла лежитъ болшею частію глубже внѣшней стороны, въ самой сущности дѣла; то отъ этого и происходитъ, что внѣшнія формы мѣняются, а зло остается и проявляется въ новыхъ формахъ. Когда оказывается необходимымъ бороться съ зломъ, развившимся до крайности, принимаются опять мѣры болшею частію внѣшнія, которыя часто отзываются стѣсненіями и затрудненіями совѣмъ не тамъ, гдѣ находится источникъ зла, а самаго зла не касаются, или обскѣаютъ лишь нѣкоторыя наружныя проявленія его. Иногда тѣ, которые объявляютъ о необходимости рѣшительныхъ мѣръ для борьбы съ зломъ, сами первые подрываютъ и ослабляютъ значеніе этихъ мѣръ, показывая на дѣлѣ совѣмъ не то, что говорятъ на словахъ. Вообще же многое въ этомъ отношеніи дѣлается какъ будто только для того, чтобы показать, что о дѣлѣ думаютъ, дѣломъ занимаются; а между тѣмъ освободить себя — отвести глаза отъ настоящей серьезной мысли и настоящаго искренняго и рѣшительнаго дѣла. А зло растетъ, нравственныя недуги усиливаются, общественныя шатанія не прекращаются, и что будетъ далѣе, это едва ли кто нибудь ясно представляетъ себѣ..

Вотъ нѣкоторыя изъ тѣхъ общественныхъ явленій, о которыхъ, кажется, серьезно нужно подумать въ настоящее время. Всѣ эти явленія относятся къ жизни высшихъ, такъ

называемыхъ, образованныхъ классовъ общества. А что народъ—простой народъ, который доселѣ мало заявляетъ участія въ развитіи общественной жизни, не отъ котораго безъ сомнѣнія главнымъ образомъ будетъ зависетьъ судьба нашей исторіи? Въ простомъ народѣ мало еще замѣтно нравственныхъ перемены. Въ массѣ своей онъ продолжаетъ большею частію жить также, какъ жили его предки нѣсколько поколѣній—нѣсколько вѣковъ назадъ. Но настаетъ и для народа пора высшаго развитія, и это развитіе, конечно, должно прійти къ нему отъ образованныхъ классовъ общества. Что же, много-ли серьезной думы объ этомъ въ образованномъ обществѣ, и много-ли искреннихъ рѣшительныхъ мѣръ предлагается къ этому? И готово-ли современное образованное общество, само больное разными нравственными недугами, быть достойнымъ и полезнымъ руководителемъ народа? Въ настоящее время много говорятъ о сближеніи высшихъ классовъ съ народомъ, и полагаются начатки этому сближенію. Много, конечно, полезное можетъ быть передано народу въ этомъ сближеніи: но какъ нужно быть осторожнымъ, чтобы вмѣстѣ съ полезнымъ не передать народу и того, что сказало уже явнымъ вредомъ въ жизни высшаго общества!.. А и теперь уже не мало замѣтно такого. Народъ, говорятъ, грубъ и необразованъ: вмѣсто того, чтобы мало по малу выводить его изъ этой грубости, распространяютъ въ немъ пренебреженіе къ его быту. У народа много предрасудковъ и суевѣрій: вмѣсто того, чтобы дать ему болѣе твердыя понятія, при которыхъ бы сами собою разсѣивались предрасудки и суевѣрія, колеблютъ въ немъ тѣ лучшія вѣрованія и правила, на которыхъ вѣками держалась его нравственная жизнь. У народа есть грубые пороки; вмѣсто того, чтобы ослаблять ихъ, знакомятъ народъ съ новыми, болѣе утонченными пороками. Въ народѣ много бѣдности: вмѣсто того, чтобы искренно помогать ему посильными пособіями и разумными совѣтами, какъ выйти изъ этой бѣдности, стараются распространить въ немъ недовольство своимъ состояніемъ, зависть и раздраженіе противъ другихъ классовъ общества, несоотвѣтствующія быту потребности и стремленія. Являются и такіе руководители народа, которые стараются поколебать въ немъ всѣ основы вѣры и жизни, и сдѣлать его орудіемъ для самыхъ дикихъ и преступныхъ замысловъ... О, несчастнѣйшіе люди!.. Если о соблазняющемъ *одного изъ малышей по разумнью* сказано, что лучше бы ему съ камнемъ на шеѣ потонуть въ пучинѣ морской: что сказать о тѣхъ, которые подъ знаменемъ служенія народу раздражаютъ и развращаютъ народъ!..

Что же, если столько печальныхъ явленій представляетъ наша современная жизнь, не должны ли мы отчаяваться за будущее? Нѣтъ, унынію и отчаянію никогда не должно быть мѣста.

Если какой нибудь народъ на самомъ краю развращенія и гибели одумывается и обращается къ Богу, Господь спасаетъ его. Мы, благодареніе Богу, еще не можемъ считать себя дошедшими до крайняго развращенія и гибели. Много у насъ нравственныхъ недуговъ, но много и крѣпкихъ здоровыхъ силъ. Что такія силы есть въ нашемъ народѣ, есть и въ высшемъ, зараженномъ разными недугами обществѣ, это показала между прочимъ намъ и всѣмъ недавно бывшая у насъ война за святое дѣло. Много оказалось и въ эту войну грѣховъ и недуговъ, происходящихъ отъ того же недомыслія и легкаго отношенія къ дѣлу, которое составляетъ главный корень нашихъ общественныхъ золъ. Но сколько оказалось и самыхъ высокихъ проявленій мужества, самоот-

верженія, искренности, любви, вѣры и т. д. Не умираютъ народы, у которыхъ есть такія нравственныя силы. Нужно только желать, чтобы лучшія качества въ насъ брали верхъ надъ худшими, чтобы на воспитаніе лучшихъ качествъ было обращено болѣе вниманія, чтобы имъ давалось болѣе мѣста и простора. Нужно, чтобы эти высокія качества развивались и поддерживались постоянно, а не вызывались только порывами въ чрезвычайныя эпохи народной исторіи,—и чтобы въ уровень съ этими высокими качествами развивалось то, что доселѣ было слабо у насъ, серьезная мысль и серьезное, добросовѣстное отношеніе ко всякому дѣлу—важному и не важному, общему и частному, и во всякое время—при чрезвычайныхъ событіяхъ и при обычномъ теченіи жизни.

Наши общественные недуги не имѣютъ еще застарѣлаго злокачественнаго характера. Это не болѣзни старческаго разслабленія, а скорѣе болѣзни переходной поры народнаго развитія—болѣзни роста, какъ говорятъ въ самомъ народѣ. Въ томъ самомъ общественномъ недомысліи и легкомъ отношеніи къ дѣлу, о которомъ мы выше говорили (и которое можетъ доходить иногда и до прямой недобросовѣстности и до самой грубой безчеловѣчной жестокости), сказывается все-таки не столько старческое разслабленіе ума и злое упорство въ корнѣ развращенной воли, сколько неразвитость мысли и совѣсти, непривычка серьезно относиться къ своему дѣлу и своему положенію. Наши недостатки большею частію происходятъ именно отъ того, что мы не приучились серьезно (въ мысли и совѣсти) относиться къ своему положенію, къ своему призванію, къ своему долгу, къ тѣмъ задачамъ, которыя представляетъ намъ исторія, и особенно въ послѣднее чрезвычайно знаменательное время... Задачи предстоятъ намъ самыя широкія, самыя серьезныя; а у насъ доселѣ, какъ будто, дѣтское пониманіе и дѣтское отношеніе къ дѣлу—вотъ въ чемъ, кажется, наша главная вина и источникъ многихъ нашихъ бѣдъ въ настоящее время!

И этимъ конечно пренебрегать нельзя. И болѣзнь къ росту, затянувшаяся и принявшая дурное направленіе, можетъ обратиться въ болѣзнь къ смерти; и дѣтское легкомысліе, перешедши въ несоотвѣтственный возрастъ, можетъ обратиться во всегдашнее недомысліе, въ идиотизмъ. Поэтому нужно серьезно подумать о такомъ положеніи. Каждый наступающій годъ, представляя намъ новыя жизненныя задачи, вмѣстѣ съ тѣмъ усиленно призываетъ насъ къ тому, чтобы мы внимательнѣе отнеслись къ своему положенію, къ своему призванію, къ тѣмъ задачамъ, которыя представляются намъ.

Такимъ образомъ будущее въ извѣстной степени зависитъ отъ насъ самихъ. Будемъ мы серьезнѣе относиться—каждый къ своему положенію и дѣлу, и къ общему положенію и дѣлу, сами собою разрѣшатся многія наши болѣзни и бѣды. А въ томъ, что не отъ насъ зависитъ, чего мы не можемъ сдѣлать своими силами, будемъ просить помощи у Бога. И Богъ поможетъ намъ: ибо Онъ всегда помогаетъ тѣмъ, которые просятъ у Него помощи въ добромъ дѣлѣ, сами вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлая, что могутъ... О, еслибы какъ можно скорѣе началось это наше обращеніе и обновленіе! Еслибы наступающій новый годъ сдѣлался для насъ началомъ новой эпохи нравственнаго и общественнаго развитія! Еслибы Господь просвѣтилъ разумнѣе и укрѣпилъ добрую волю на это преимущественно у всѣхъ тѣхъ, отъ кого зависитъ воспитаніе народа и руководство народомъ!

Касательно жгучихъ вопросовъ современнаго пастырства.

(Продолженіе).

Въ предыдущей нашей статьѣ сказано было, что можно еще имѣть въ виду нѣкоторыя мѣры противъ вліяній, содѣйствующихъ развращенію нравовъ въ приходѣ. Какія же? Если нельзя не признать, что тѣ бытовые условія, о которыхъ мы упоминали прошлый разъ (домашнее размѣщеніе семьи и ночлегъ на полѣ) имѣютъ дѣйствительно пагубную долю вліянія, то основываясь на афоризмъ: „*подалше отъ оня*“, — отчего не попробовать приняться за совѣты прихожанамъ (только не съ каедрой и не всѣмъ, а болѣе зажиточнымъ) чтобы они, отстраивая свои новыя помѣщенія, непременно имѣли въ виду подрастающее поколѣніе. Наприм., пусть бы они дѣлали переборки въ избѣ такимъ образомъ, чтобы дѣти, на возрастѣ, могли быть отдѣлены отъ помѣщенія и устраняемы отъ бесѣды взрослыхъ; а еще лучше, еслибы избы строились на двѣ половины. Чувствуемъ, что намъ могутъ замѣтить: „легко это сказать, но не легко это выполнить“. И то правда. Однако мы на фактахъ основываемъ свое мнѣніе, что если въ крестьянскихъ жилыхъ помѣщеніяхъ не дѣлаютъ улучшенія, то вовсе не потому, что домохозяева не могутъ этого сдѣлать, а потому что строить избы съ особыми отдѣленіями еще неусвоено общимъ обычаемъ. Но вѣдь крестьяне прежде не строили свѣтлицъ, дымовыхъ трубъ, избъ на двѣ половины; не устраивали цвѣтниковъ; не имѣли керосиновыхъ лампъ; а теперь кое гдѣ все это заводится; даже появляется въ нѣкоторомъ смыслѣ и роскошь, въ родѣ стѣнныхъ часовъ. При томъ, надо же, чтобы улучшенія, какъ гигиеническія, такъ и воспитательныя наступили своимъ чередомъ, въ крестьянскомъ быту. Кому же быть проводникомъ такого похвальнаго прогресса, какъ не сельскому батюшкѣ? И если нѣкоторые крестьяне заведутъ у себя улучшенія, очевидныя по своей практической пользѣ и удобству, то можно ручаться, что онѣ исподволь будутъ переняты сосѣдями. Дознано, что желаніе удобства часто служитъ для человѣка лучшимъ двигателемъ труда; а потому слѣдуетъ направлять мысли народа на ту тему, что если онъ только сознаетъ, что удобство помѣщенія составляетъ не роскошь, а жизненную потребность, то стремленіе къ достиженію его найдетъ средства хотя бы въ тѣхъ трудовыхъ копѣйкахъ, которыя теперь непроизводительно пропиваются, втеченіе одного только года.

Относительно другаго зла — *ночлеговъ* на полѣ, слѣдовало бы не только убѣждать, но и настаивать, по пастырски, чтобы домохозяева обдумали: нельзя ли обязанность ночлежниковъ сдѣлать очередною, по деревнямъ, для того, чтобы можно было привлекать къ исполненію ея однѣ лишь мужскія силы; причемъ кетати будетъ сослаться на то, что въ другихъ мѣстностяхъ имѣютъ болѣе правильный взглядъ на вещи и не знаютъ подобной нелѣпности, чтобы дѣвокъ посылать на ночлеги. Это вовсе не женское дѣло.

До сихъ поръ мы говорили о косвенныхъ мѣрахъ, а теперь возвратимся къ самому акту преступленій, противъ цѣломудренной жизни. Такъ какъ эти преступленія часто бывають весьма возмутительными по своему соблазну на приходъ, то, конечно, не во всѣхъ случаяхъ можно ограничиваться однѣми мѣрами вразумленія соблазнителя, или побужденія его къ облегченію участи соблазненной, а развѣ только тогда, когда идетъ дѣло о преткновеніяхъ случайныхъ, единичныхъ. Ибо „грѣхъ да бѣда на кого не живетъ“. Но если представится случай крайняго соблазна и разнузданности незнающей границъ, — такъ наприм. когда идетъ дѣло о такомъ женихѣ, на кото-

раго заявлены претензіи не отъ одной, имъ опозоренной (что тоже случается), — въ такомъ случаѣ допустить его бракъ съ лицомъ для него новымъ, ко грѣху не причастнымъ — не значитъ ли послаблять и бездѣйствовать? И такъ какъ относительно соблазнителей и развратителей законъ допускаетъ разныя принудительныя или исправительныя мѣры (кормч. ч. II, гл. 46, указъ 1716 г. марта 30, артик. 176 воин. уст. улож. о наказ. угол. и испр. ст. 1592), священникамъ же — предоставляетъ право — когда случится *какова важная вина* — относить дѣло къ разсужденію епископа (кормч. ч. II, гл. 50, дух. регламентъ ч. II пунктъ 11), въ такомъ случаѣ, не обращался понапрасну къ суду волости, не лучше ли собрать краткія письменныя заявленія, засвидѣтельствованныя, если не сельскими властями, то почетными братчиками, и чрезъ благочиннаго представить епархіальной власти? А пока воспослѣдуетъ рѣшеніе высшей власти — оглашеній не производить.

2) Авторъ жгучихъ вопросовъ глубоко возмущенъ свадебными обычаями крестьянъ; особенно негодуетъ на оскорбленіе этими обычаями святости праздничнаго кануна, такъ какъ предбрачныя церемоніи начинаются въ субботу, противъ воскресенія. Какъ поступать, спрашиваетъ онъ, если самыя понятныя внушенія съ церковной каедрой не дѣйствительны? Мы думаемъ, что болѣе дѣйствительными внушеніями могутъ быть тѣ, которыя ратуютъ противъ очевиднаго для самихъ же прихожанъ зла; наприм., противъ распутства. Но до такой высоты христіанскаго сознанія крестьяне не дошли еще, чтобы считать недозволительными въ канунъ праздника завѣтные обычаи старины глубокой, которые хотя дѣйствительно сопровождаются попойкой и козлогласованіемъ, но нельзя сказать, чтобы были *вразны*. Напротивъ, въ этихъ обычаяхъ есть много трогательнаго и даже благоговѣйнаго; наприм., когда собираются заквасить коровой, мѣсить его, посадить въ печь, стричь волосы невѣстѣ или жениху и т. п. тогда крестьяне поютъ пѣсни, которыя дышатъ либо набожнымъ обращеніемъ къ Подателю благополучія, либо близкими сердцу мотивами роднаго быта.

„Гдѣ тутъ есть батька и мати этаго дитяти?“ (Такъ выкликають пѣвчіе, и продолжаютъ): „это дитя плачетъ, у Бога доли просить, отъ людей благословенства хочеть“. — „Дитятко мое! Нехай тобѣ Богъ перейдетъ (т. е. жизненный путь, на счастье) и съ Троицею, и съ Миколою, и съ счастиемъ, и съ долею“. Не мы одни вынесли убѣжденіе, что подобныя пѣсни крестьянъ исполнены назидательности и лиризма, а нѣкоторые бытовые обычаи ихъ глубокаго драматизма; и немудрено, что все это въ высшей степени дорого ихъ сердцу. Слѣдовательно, если священникъ горячо обрушится на эту сторону быта прихожанъ, то его внушенія не только невозымѣютъ никакого дѣйствія, но покажутся имъ требованіями аскетизма, бремениами неудобносимыми, лишнею придирчивостію; тѣмъ болѣе, что въ интеллигентныхъ слояхъ тоже справляется дѣвичникъ. Это обычай общій, національный; и если его коснутся, то поднимутся нареканія въ подобномъ родѣ: „всю де жизнь трудимся, не знаемъ никакихъ панскихъ удовольствій, въ кои вѣки собрались сыграть свадьбу, — и намъ нельзя ее справлять такъ, какъ справляли ее въ старину, какъ заведено міромъ. Какъ же безъ пѣсенъ расчинять коровой, мѣсить коровой“ и т. д. „Въ этомъ вся наша *батьковщина!*“

Дѣйствительно, даже и этотъ обычай справлять дѣвичникъ именно въ субботу закрѣпленъ старинной пѣсней: „Собирайтесь вси дѣвочки *въ субботу*; загадаетъ вамъ Настуля

(имя невѣсты) работу“ и пр. Изъ сказаннаго позволяемъ себѣ сдѣлать такой выводъ, что если бываютъ случаи, когда пастырю приходится соединять змѣнную мудрость съ незлобіемъ голубя, то въ данномъ случаѣ невозможно ему не отнестись въ извѣстной мѣрѣ снисходительно къ бытовымъ традиціямъ національнаго свойства. А потому лучше стараться очищать ихъ отъ приражившагося къ нимъ пьянства, либо безчинства; даже можно воспользоваться ими, дѣлая сравненія нынѣшняго вѣка съ прежнимъ, и посрамляя за то, что обычаи завѣтной старины остались, но той нравственной силы уже не имѣютъ, какую имѣли встарину. (Наприм. обычаи сажать на дежу и. т. п.) Гораздо большее значеніе для священника должна составлять забота: отучить прихожанъ отъ обычаевъ—прямо изъ подъ вѣнца спѣшить въ корчму, гдѣ шинкаръ и шинкарка, разыгрывая роль посаженныхъ родителей, встрѣчаютъ новобрачныхъ съ хлѣбомъ—съ солью. Положимъ, что въ этомъ случаѣ свадебнымъ пѣнатымъ руководитъ желаніе заявить блескъ своего поѣзда и богатство свадьбы, предъ глазами постороннихъ, которыхъ набирается полная корчма. Но думать надо, что если дѣйствовать исподоволь и благодушно, то крестьянамъ покажутся убѣдительно вразумленія духовнаго отца, примѣрно въ томъ смыслѣ: что между церковью и христіанскимъ семействомъ не должны становиться невѣрные; что новобрачные, какъ образующіе новое семейство, должны бы спѣшить прямо изъ церкви въ свой домъ, въ нѣдра своей фамиліи; что прежде всего, какъ вездѣ принято, никому иному какъ родителямъ надлежитъ встрѣтить повѣнчанныхъ дѣтей со св. образами и родительскимъ благословеніемъ; что Господь почтившій своимъ посѣщеніемъ бракъ въ канѣ Галилейской и теперь невидимо присѣщаетъ всякому христіанскому веселію и радости о Господѣ, но гдѣ же? въ корчмѣ?! Наконецъ, не поношеніе ли это для религіи такъ открыто заявлять предъ всѣми, что безъ корчмы нельзя обойтись не только въ домашнемъ быту, но даже въ религіозной жизни? Не позоръ ли, что носящее имя Христа, своего Искупителя, прямо отъ испуительныхъ и святѣйшихъ таинствъ крещенія, брака, исповѣди и причащенія, вмѣстѣ съ новопросвѣщенными младенцами, съ боговѣнчанною четой, съ обновленною совѣстію и съ залогемъ жизни вѣчной въ душѣ, направляются въ корчму и прежде всего въ корчму. „Какое общеніе праведности съ беззаконіемъ? Что общаго у свѣта со тьмою...?“ и проч. (2 Кор. 6, 14—18).

3) За одно выслушаемъ сѣтованіе автора жгучихъ вопросовъ на корчму, въ которую народъ привыкъ собираться по праздникамъ и воскресеньямъ; тамъ де теряютъ всякія добрыя чувства, тамъ—починъ всякаго зла. Кто съ этимъ не согласится. Но и то надо признать, что корчма составляетъ для деревенскихъ жителей пока единственное мѣсто общественныхъ развлеченій и свободныхъ собраній; тутъ ихъ клубъ, театръ, биржа, гулянье, сходки, сдѣлки и т. п. Развѣ только распространеніе грамотности отвлечетъ просто-народье къ болѣе разумнымъ развлеченіямъ. Современемъ, можетъ быть, воскресныя чтенія, народныя читальни, дешевая газетка, либо русскія харчевни съ чаемъ, медомъ, калачами, качелями, каруселями и т. п. представлять противовѣсъ корчемному злу и полугару. Думаемъ, что весьма сильнымъ средствомъ привязать къ домашнему очагу было бы распространеніе чаепитія. Но пока, чтобы родители ни гово-

рили и какъ бы они ни возражали, надо сберегать покрайней мѣрѣ дѣтей и дѣвицъ отъ происходящихъ въ корчмѣ сценъ; а потому почаще изображать предъ прихожанами съ какою нѣжною любовію относился нашъ Спаситель къ дѣтямъ, какъ Онъ говорилъ о значеніи ихъ въ очахъ Бога и о тяжести грѣха того человѣка, который подвергаетъ впечатлительную ихъ натуру соблазну. Живо представить чего можно ожидать отъ будущихъ семьянъ, хозяйина и хозяйки, если дѣти, особенно дѣвицы, съизмала привыкнутъ находить въ корчмѣ заманчивое для себя развлеченіе. Обратитъ вниманіе на то, отчего происходитъ, что въ обществѣ много пьяницъ, много разоренныхъ хозяйствъ, много несчастныхъ женъ, опозоренныхъ дѣвицъ, испорченныхъ дѣтей, много кражи, недоимокъ и т. п. и кто де виноватъ, если не матери и матери, водящія дѣтей въ корчму, какъ будто такъ и надо?

Впрочемъ, посѣщеніе корчмы въ воскресный день еще можетъ имѣть за собою то извиненіе, что выѣхавшіе къ обѣднѣ и на базаръ, для покупки и продажи,—проголодаются, либо не могутъ обойтись безъ того, чтобы не закрѣпить какой либо сдѣлки, по заведенному, магарычемъ. Но больнѣе всего то, что въ свободные первые дни святокъ и Пасхи корчмы также наполняются преизлиха. Тутъ не можетъ быть извиненія, и противъ этого возставать надобно всею силою слова. Такъ какъ къ слову пришлось, то мы укажемъ на одинъ удачный примѣръ, такъ сказать, героической мѣры. Въ одной мѣстности, на Волыни, школьный учитель стяжавшій себѣ уваженіе, объявилъ предъ свѣтлымъ праздникомъ поселянамъ, что если кто пойдетъ *въ первые три дня* въ корчму, то это будетъ для него доказательствомъ, что онъ жилъ между ними столько лѣтъ бесполезно и перейдетъ на другое мѣсто. Это до того подѣйствовало, что ни одинъ крестьянинъ въ первые три дня Пасхи не былъ въ шинкѣ; такъ что шинкаръ прибѣгалъ къ учителю, съ слезными мольбами, спасти его отъ разоренія. Между тѣмъ, учитель, чтобы доставить разумное развлеченіе, распорядился на училищномъ дворѣ поставить качели; и все село собиралось веселиться на этотъ дворъ. (Отчетъ св. Кир. Меѣ. братства, за 1874—75 г. стр. 260).

Конечно, на такую энергическую мѣру не каждый можетъ рѣшиться; такъ какъ иное дѣло перемѣститься тому, кто семейный человѣкъ и обжилъ въ извѣстной мѣстности, а иное дѣло тому, кто одинокъ и можетъ разсуждать по пословицѣ: „omnia mesum porto“. Однако можно подобрать что либо подходящее, въ родѣ предупрежденія, что если въ первые дни великаго праздника корчмы будутъ посѣщаемы, то священникъ въ то лѣто не будетъ обходить село и деревни крестнымъ ходомъ; ибо нельзя же гнѣвить Бога и въ то же время рассчитывать на незаслуженныя отъ него милости.

Не мѣшаетъ также имѣть въ виду законъ 18-го іюля 1868 г. по которому сельскимъ обществамъ предоставлено составлять *мірскіе приговоры о прекращеніи раздробительной продажи въ питейныхъ заведеніяхъ, въ наиболѣе чтимые церковью дни.*

Впрочемъ, о корчмахъ будетъ еще рѣчь.

С. І—нз Б—нз.

Предыдущій № сданъ на почту 24-го Февраля.

Редакторъ, Протоіерей Іоаннъ Котовичъ.